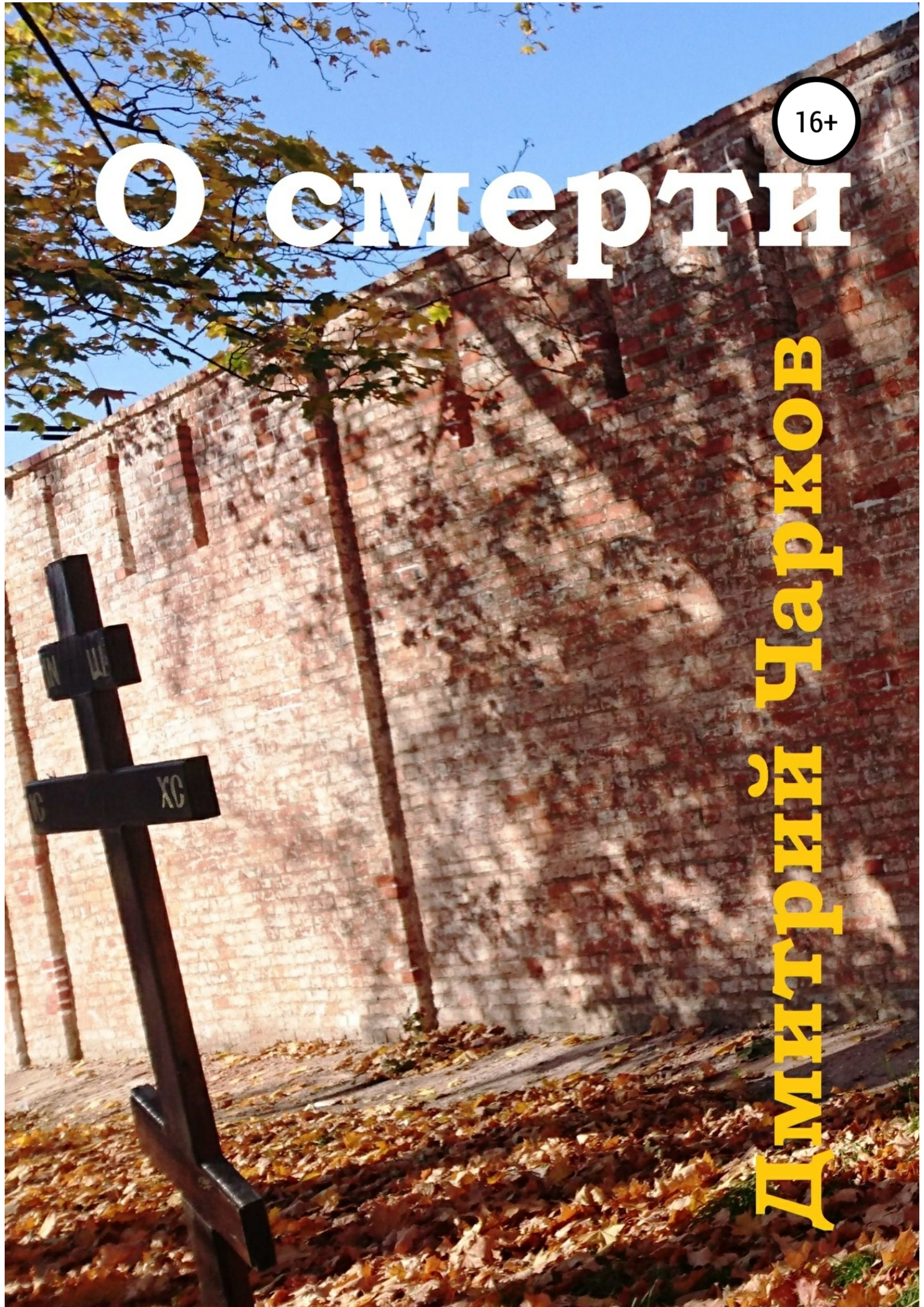


16+

О смерти

ДМИТРИЙ ЧАРКОВ



Дмитрий Чарков

О смерти

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Чарков Д.

О смерти / Д. Чарков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Вот она ходит, разбрасывает по дому свои вещи, пристаёт с такими нелепыми и такими наивными расспросами – ну, угомонись же, так и хочется порой прикрикнуть! И вдруг – угомонилась... Для нас так естественно, так присуще чувство горя после утраты ближнего своего, а тем более ребёнка-кровинушки! Но как же мы далеки ещё от понимания последствий нашей неспособности отпустить тяжёлую думу, отпустить отошедшую душу в свой путь, позволить ей трансформироваться и наверняка обрести себя вновь тут же, среди нас, в бесконечном стремлении к гармонии и любви. Но, даже понимая, мы не можем не скорбеть. И не беда, что новое тело не всегда и не всё помнит из старого опыта. Не беда, что оно не всегда рядом с прежними своими близкими. Важно лишь, что оно есть, и будет опять, и придёт снова в поисках своего земного счастья.

«...все мы умрем и будем лежать в ящике, все мы таскаем свои будущие трупы. И после перезаписи – вы уже не вспомните себя и свою прошлую жизнь...»

...Созерцательная невовлеченность и отстраненность, своеобразное "умирание" – единственное средство трезво видеть мир, без иллюзий и розовых очков».

«Никак. Нигде. Никогда», (с) Джулия Ванг

1

Девушка почувствовала, что кончики пальцев стали как будто неметь. Она посмотрела на часы – бабушка должна вернуться с минуты на минуту. Внутри появилась незнакомая доселе дрожь. Ещё один быстрый взгляд на циферблат: успеет ли? Ноги начали наливать словно бы ртутью – холодной, колючей, чужой. «Боже мой, – мелькнуло в сознании, – зачем я это сделала? Как глупо. Глупо. Глупо». Голова отяжелела. Дыхание утратило привычную размеренность. Хотелось глубоко вздохнуть, так хотелось глубоко вздохнуть и снова выдохнуть. «Где же мои легкие, мамочка? Почему они так плохо вдыхают, где воздух?» Её ноздри стали судорожно подрагивать.

Обидно, что никто и не вспомнит про то её дурацкое приглашение на её же собственные похороны. «Кого я хотела удивить? Или не удивить – наказать? Наказать? За что, господи? Наказать меня. Мне нужно было наказать меня. Сразу. Зачем всё это? Зачем я это сделала, Паша? Пашенька. Где ты? Тебе всё равно, тебе так и будет всё равно». Она не почувствовала, как медленно сползла ещё глубже в кресле, превратившись в маленький беспомощный комочек детской трагедии.

«Нет, всё пройдёт, я же не могу взаправду умереть, мне только семнадцать лет. Где же бабуля, где же сестра, где же они все, боженька мой?»

...Хлебом награди, святой водой, да так, чтоб муж мой... муж мой... был всегда... всегда... Раб божий...

Она вдруг отчетливо поняла в последних проблесках сознания истинное значение Начала, когда была только Мысль, как Слово. И Слово это было Бог. Это и была первая молитва. А что она сделала с молитвой божьей, с другой молитвой? Молитва о Пашеньке? «Кто такой Паша? Муж мой... Какой муж, зачем?»

– Как я могла, о, Боже! – еле различимый шепот в пустой квартире.

Сколько прошло времени – пять, пятнадцать, сорок минут?

«Я не хотела... я хотела совсем другого...»

Снаружи у входной двери кто-то искал в сумке ключи. Мучительно медленно, перебирая всё содержимое сумки. Никуда не спеша. Вот, наконец, звякнула связка. Один из ключей вошёл в замок. Но не проворачивается. Новый ключ, изготовленный недавно взамен обломившегося. Нужно было замок поменять, а не ключ. Ключ теперь постоянно цепляется внутри замка и не с первого раза проворачивается. Потому что не родной. В итоге он тоже сломается. И этот ключ сломается, сломается, сломается...

– Внуча, ты дома?

Слова упали в пустоту маленькой прихожей.

– Не дождалась, видимо...

Вера, ведущая телешоу, представила светловолосую немолодую женщину, сидевшую рядом за столом:

– Это у нас Елена.

– Елена, очень приятно, – поздоровался Сергей, расположившись напротив двух женщин. Он, как обычно, был по спортивному подтянут и излучал приветливость.

– Серёжа, это – текст приворота. Можете увидеть имена, здесь всё написано, – начала Вера, протягивая ему сложенный листок с рукописным текстом.

– Я могу прочесть?

– Да, да, вы можете это прочесть, разрешается.

Сергей взял в руки листок, глянул на него и изменился в лице, затем перекрестился.

– Ваша задача рассказать, как сложилась судьба этих людей.

Он увидел написанное от руки имя. Девичье имя, которое сразу бросилось в глаза, и он мгновенно понял, что её нет более среди живых, и что именно этот исписанный лист бумаги является первопричиной её ухода.

– Я вас понял.

Он положил приворот на стол, пояснив:

– Я просто боюсь такие вещи читать, правда.

– Я тоже боюсь, – согласилась Вера.

– Может, выдержки отсюда только...

Ведущая вдруг засуетилась:

– А почему вы боитесь? Вот скажите мне! Отчего я, такая дура, взяла и прочитала это?

Его руки ощущали энергетику, выплескивающуюся из белого сложенного листа. Человек, корпевший над ней более... восьми – дней, лет? – назад вложил столько своего эмоционального заряда при написании, что вибрационный фон буквально впитался в шероховатую текстуру документа, обжигая обостренную чувствительность вепса.

– Она достаточно сильная, эта бумажка. И того текста, который написан здесь, можно опасаться, не читая его даже.

Сергей постарался сконцентрировать всё своё внутреннее сопереживание на кончиках собственных пальцев, чтобы через них получить более расширенное знание о событиях, сопутствовавших материализации этого мощного энергетического скопления в лежавшем перед ним артефакте.

– Я постараюсь сейчас почувствовать... это всё.

– Не торопитесь.

– Да. Здесь нужно время, чтобы всё расставилось по местам, как картинка.

Он ещё некоторое время молча сидел с застывшим взглядом, его тонкие пальцы подрагивали над листком, словно от того действительно исходили невидимые колебания. Затем вепса словно передёрнуло: ему показалось, что среди освещавших место съёмки софитов вспыхнул ещё один – настолько это действие показалось ему неожиданным. Он поднял глаза кверху, но там продолжали гореть только те два, что и были включены изначально.

Наконец, заговорил:

– Я вижу, что эти люди не вместе. Этот приворот не сработал.

Вера внимательно за ним наблюдала. Сергея явно что-то беспокоило: он то поднимал взгляд куда-то поверх её головы, то переводил глаза на её соседку.

– А где она сейчас, эта девушка? – прервала молчание ведущая.

На площадке повисла тишина. Всем даже показалось, что откуда-то повеяло холодом. Сергей снова поднял голову – там, между двух ярких софитов...

– Боюсь предположить, но... есть ощущение, что она стоит рядом с вами, и если это так, то, скорее всего, её нет в живых.

– Рядом со мной?

– Между вами.

– Призрак?

– Как призрак.

Но сам медиум больше не поднимал глаза туда, где, как ему вначале показалось, вспыхивал новый софит. Это был не софит, он понял: это был энергетический фантом. Призрак. Впервые в своей жизни он видел материализовавшуюся энергию умершего человека, но нечётко – как облачный сгусток.

Вера спросила, немного придя в себя:

– Отчего эта женщина умерла? Если это возможно увидеть.

Сергею явилась на его мысленном экране горсть упаковок, похожих на блистеры. Это были таблетки. Разные, в изобилии.

– Тяжелое заболевание? – как-то неуверенно предположил он вслух. – Хотя первая мысль была: самоубийство.

Он ещё минутку подумал и тут его, казалось, осенило:

– Таблетки... поэтому, скорее всего, с болезнью связь... Передозировка таблетками, да!

– Как давно это произошло?

– Её смерть?

– Да.

– Лет... восемь назад.

Он не мог объяснить себе потом, почему повёл речь о годах там, где счёт шёл на месяцы. Так бывает. Но мужчина, о котором шла речь в привороте, был однозначно жив.

Сергей чувствовал тяжесть. И безысходность. И такую невыносимую тоску, что даже не мог представить себе, насколько такие переживания возможны вообще. В один момент он даже испугался за свою рациональность – откуда было взяться такой глубокой и невыносимой, *смертной*, печали, разом обуявшей всё его существо?

Энергетический силуэт продолжал мягко колыхаться на том же месте поверх двух женщин, и Сергей в этот миг, наконец, осознал реальную причину подобного своего состояния.

– Всё правда, Серёжа: женщины нет на свете. Только это семнадцатилетняя девочка, на самом деле. Погибла она восемь месяцев назад.

У него расширились зрачки, и маячивший призрак словно соприкоснулся с его душой, и он увидел вдруг всё глазами этой семнадцатилетней девочки: увидел её бабушку, тётю, сестру, подруг – и так страстно захотелось вернуться к ним, звонко смеяться, петь – она так любила петь, господи! – и снова ощущать себя сопричастной этой божественной искре, Жизни, радоваться каждому её дню, каждому своему перерождению... Перерождению... Но для неё ведь не будет перерождения. Долго не будет! У самоубийц незавидная участь, и эта душа ещё лет триста останется замкнутой в холодной, замершей для неё пространственной плоскости, куда она обрекла себя собственным решением. И каждый день будет наблюдать за перерождением других, за их свободным полётом среди божественного мягкого, обволакивающего света, осознавая его недоступность для собственного эго, для своей бессмертной души.

Так устроено мироздание.

Сергей видел всю эту перспективу будто её глазами и не мог сдержать собственных – её! – эмоций, и непроизвольные слёзы тоски и обреченности текли по щекам, а бабушка Лена смотрела на прозрачные капли, катившиеся из глаз вепса, и в каждой, должно быть, угадывала отражение ушедшей навсегда внучки; ушедшей без причины, без веры, без молитвы.

Женщина нашла в себе силы сказать:

– Я вижу, что вы очень добрый человек, Сергей, очень хороший...

– Я так сожалею... Мне очень жаль вашу девочку.

Для него это было очень мощным потрясением. Не приведи господь кому-то пережить смерть своей младшей кровинушки – это самое страшное прижизненное испытание для души, но такие смерти, к сожалению, в этом мире происходят ежедневно и даже ежеминутно, и пережитое им в тот день на съёмочной площадке оставило внутри глубочайший шрам.

Необходимо было учиться ограждать себя от такой близкой сопричастности с посторонним горем. Такой подход представлялся единственным способом сохранить ему относительную ясность рассудка на собственную ближайшую перспективу.

2

Время замерло. Вот я вроде бы летела вслед за собой на машине скорой помощи, но на мосту меня не стало. Не стало совсем – в том моём молодом и красивом теле, к которому я привыкла за семнадцать земных лет. Вода – мощный источник информационного обмена, и когда моя душа соприкоснулась с её поверхностью, я, привыкшая при жизни ощущать потоки оживляющей влаги на своих плечах, груди, в длинной густой копне волос, которой так завидовали многие подруги, теперь почувствовала её отчуждение и неприятие, жгучий холод и одиночество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.